

Падучева Елена Викторовна

Семантические явления в высказываниях от 1 лица: **Говорящий и Наблюдатель***

Работы Р.Якобсона о дейксисе (в частности, Jakobson 1957) и Э.Бенвениста о перформативах (Бенвенист 1974) стимулировали интерес лингвистов к проблеме субъективности в языке и к семантике первого лица. Сейчас лингвистика может предложить более точные формулировки для многих поднятых в те годы проблем.

1. История вопроса

В работах Зализняк, Падучева 1982 и Падучева 1985 был приведен представительный перечень аномалий, возникающих в предложении при замене местоимения 3 лица на первое и, наоборот, 1 лица на второе и третье.

1.1. Были рассмотрены, в частности, следующие примеры употребления 1 и 2 лица в контексте ПРЕДИКАТОВ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ (о семантическом взаимодействии предикатов внутреннего состояния с лицом субъекта см. Vanfield 1984: 11-12):

(1.1) а. Я устал; б. °Ты устал.

(1.2) а. Мне хочется есть; б. °Тебе хочется есть.

В (1.1а), (1.2а) субъект 1 лица абсолютно уместен; в самом деле, никто, как субъект состояния, не может сделать более авторитетного высказывания о своем внутреннем состоянии. Между тем, предложения (1.1б) и (1.2б) несут печать ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ: это не утверждения в полном смысле слова, а скорее некие предположительные заключения, сделанные на основе наблюдения со стороны.

В вопросе ситуация меняется; предложения (1.3а), (1.4а), с субъектом в 1 лице, звучат странно: поскольку, как уже сказано, говорящий лучше, чем кто бы то ни было, осведомлен о своем внутреннем состоянии, эти высказывания нарушают основные условия успешности речевого акта вопроса – говорящий не знает, а слушающий знает. В то же время (1.3б) и (1.4б), которые побуждают а д р е с а т а сообщить о своем внутреннем состоянии, вполне уместны¹.

(1.3) а. °Я устал? б. Ты устал?

(1.4) а. °Мне хочется есть? б. Тебе хочется есть?

Еще пример с вопросом:

(1.5) а. Я думаю, что он согласится; б. °Ты думаешь, что он согласится.

(1.6) а. °Я думаю, что он согласится? б. Ты думаешь, что он согласится?

1.2. Другой тип явлений, связанных с противопоставлением 1 и не 1 лица, был продемонстрирован на неопределенных местоимениях. В Падучева 1985 местоимения, которые в традициях русской грамматики числятся неопределенными, разделены на два класса: местоимения НЕИЗВЕСТНОСТИ (типа *какой-то*), выражающие отсутствие з н а н и я, касающихся предмета, как-то выделенного, индивидуализированного в универсуме речи, и местоимения НЕРЕФЕРЕНТНОСТИ (типа *какой-нибудь*), которые употребляются тогда, когда никакой конкретный предмет не имеется в виду. (В англоязычной литературе это соответствует терминам *specific* и *non-specific indefiniteness*; но в английском языке речь идет о разных употреблениях одних и тех же слов, а в русском это разные слова.) Существенно в данном случае то, что неизвестность, как и знание, предполагает субъекта. Отсюда нормальное (1.7а), где *какой-то* выражает неизвестность для говорящего, и (1.7б), которое не аномально только если допустить, что говорящий хочет «сам не знает чего»:

---

* Работа получила финансовую поддержку в рамках проекта № 05-04-04130а РФНФ.

¹ Знак °, здесь и далее, используется, чтобы показать, что предложение хоть и не является аномальным, но требует для своего употребления «мощного контекста» и, соответственно, правил интерпретации, более сложных по сравнению с обычными (дефолтными).

(1.7) а. **Иван** хочет спеть *какую-то* песню; б. °**Я** хочу спеть *какую-то* песню.

1.3. Большой класс аномалий в контексте 1 лица дают слова, в семантику которых входит взгляд со стороны. Это слова, предполагающие присутствие внешнего наблюдателя или субъекта сознания. Таково слово *мрачный* в примере (1.8а) наблюдателем, который «со стороны» оценил чей-то внешний вид как мрачный, может быть говорящий, и предложение нормальное, а (1.8б) не допускает такой возможности:

(1.8) а. Она сегодня *мрачная*; б. °Я сегодня *мрачная*.

Собранный в 70-е – 80-е годы материал, касающийся субъективности и стереоскопии, весьма обширен. Однако аппарат, необходимый для его адекватного описания, в то время не был в достаточной степени разработан. Скажем, Ч.Филлмор упоминает о наблюдателе в Fillmore 1968, в связи с глаголом *lurk* ‘скрываться, тайно угрожать’, и в «Лекциях о дейксисе» 1975 года – в связи с глаголами *come* и *go*, но не придает слову *наблюдатель* терминологического статуса.

В настоящее время в лингвистику вошел ряд новых понятий, которые позволяют полнее раскрыть суть явлений, связанных с субъективностью в языке. Сфера субъективности огромна, и расширяется по мере оттачивания инструментов ее исследования. Первостепенную важность для дальнейшего имеют два понятия. Первое из них – это НАБЛЮДАТЕЛЬ (Апресян 1986). Обращение к фигуре наблюдателя позволяет ввести определенные разграничения в сфере полномочий говорящего, которая до сих пор была неоправданно широкой.

Второе понятие – РЕЖИМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (возникшее на базе введенного Бенвенистом разграничения «плана повествования» и «плана речи»): различается РЕЧЕВОЙ РЕЖИМ и НАРРАТИВНЫЙ. Понятия наблюдатель и режим интерпретации тесно связаны одно с другим.

2. Говорящий и наблюдатель. Режимы интерпретации

Идея наблюдателя промелькнула на лингвистическом горизонте еще в 60-е – 70-е годы прошлого века². Но в качестве фигуры, противопоставленной говорящему и способной связать друг с другом разные виды дейксиса, она прозвучала в статье Апресян 1986. Сейчас термин прочно вошел в лингвистический обиход. Я поясню, в каком значении он употребляется ниже.³

Язык предназначен для общения в условиях канонической речевой ситуации (Lyons 1979), когда есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени; имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга, и т.д. Это обстоятельство сказывается на устройстве языка: семантика многих слов и категорий предполагает говорящего.

Говорящий может присутствовать в семантике языковых единиц и, соответственно, в концепте ситуации в разных ипостасях: прежде всего – как субъект РЕЧИ, т.е. создатель высказывания и Агенс соответствующего речевого действия, со всеми эпистемическими и прочими обязательствами, которые накладывает это действие на исполнителя; со всеми предположениями, сожалениями, пожеланиями, упреками и проч., которые в нем выражаются. А кроме того, говорящий может быть представлен в тексте как субъект ДЕЙКСИСА, субъект ВОСПРИЯТИЯ, субъект СОЗНАНИЯ. Слова и категории, семантика которых предполагает говорящего, – это эгоцентрические элементы, ЭГОЦЕНТРИКИ (ср. термин Бертрана Рассела *egocentric particulars*).

² См., например, о движущемся наблюдателе Апресян 1974: 161. Семиотике наблюдателя посвящена большая литература, см. Лотман 1968, Успенский 1970/2000: 100-114, а также обзор в Grishakova 2002.

³ Доклад частично основан на материале, содержащемся в Падучева 1996 и 2006.

Нарратив не предполагает канонической речевой ситуации и подлинного говорящего как субъекта речи с синхронным слушающим; в частности, не предполагает момента речи – основополагающего понятия для языков с категорией времени. Так возникает нарративный режим интерпретации эгоцентрических элементов, противопоставленный речевому.

Эгоцентрики бывают ПЕРВИЧНЫЕ (они и есть собственно эгоцентрики) – это слова и категории, которые ориентируются только на подлинного говорящего в составе канонической речевой ситуации и полностью реализуют свой смысл только в речевом режиме; и ВТОРИЧНЫЕ, несобственные, которые ориентированы на наблюдателя и совместимы с обоими режимами.

Первичный эгоцентрик в нарративе либо не употребляется, либо имеет другой смысл. (Имеется третья возможность – когда первичный эгоцентрик выводит за пределы диегетического пространства текста, выявляя внеположного этому пространству повествователя.) А вторичный эгоцентрик употребляется и в речевом режиме, и в нарративе, не меняя смысла; и ориентиром может иметь не только говорящего, но и другое лицо, так или иначе выделенное в диегетическом пространстве текста. Отдельную область составляет НЕСОБСТВЕННАЯ ПРЯМАЯ РЕЧЬ – нарративный прием, состоящий в том, что первичный эгоцентрик поступает в распоряжение персонажа 3-го лица. Ниже в разделе 3 идет речь о традиционном нарративе (не перволичном), а раздел 4 посвящен несобственной прямой речи.

Главным примером первичного эгоцентрика (который требует канонической речевой ситуации и полноценного говорящего) является грамматическое время. Согласно общепринятым определениям, настоящее время обозначает одновременность МОМЕНТУ РЕЧИ; прошедшее выражает предшествование, будущее относит событие к некоему последующему моменту. В нарративе время кардинально меняет интерпретацию. Так, форма прош. времени несов. вида, которая в речевом режиме обозначает предшествование (моменту речи), в нарративном выражает синхронность (текущему моменту текста, т.е. ТЕКСТОВОГО ВРЕМЕНИ):

(2.1) а. Кто *сидел* на моем маленьком стульчике и сломал его? (Толстой. Три медведя)
[прямая речь = речевой режим; предшествование]

б. Старая графиня*** *сидела* в своей уборной перед зеркалом. Три девушки *окружили* ее.
(Пушкин. Пиковая дама) [нарративный режим; синхронность]

Очевидными первичными эгоцентриками являются разного рода вводные слова и обороты, которые предполагают говорящего в роли субъекта речи – *строго говоря, кстати <сказать>, воля ваша*. Так, в отрывке (2.2) способ употребления первичных эгоцентриков свидетельствуют о том, что нарратив переходит в несобственную прямую речь:

(2.2) <...> на Степу было жалко взглянуть: он решительно не помнил ничего о контракте и, *хоть убейте*, не видел вчера этого Воланда. *Да*, Хустов был, а Воланда не было.
(Булгаков. Мастер и Маргарита)

Пример вторичного эгоцентрика – грамматический вид. Так, несов. вид может иметь два значения. В одном своем значении, актуально-длительном, он выражает синхронность, в другом, общефактическом, – ретроспекцию. В речевом режиме это будет синхронность или ретроспекция по отношению к моменту речи, пример (2.3); в нарративном – по отношению к текущему моменту текста, пример (2.4):

(2.3) а. Иван *обедает*. [речевой режим; синхронность]

б. Ты *обедал*? [речевой режим; ретроспекция]

(2.4) а. Мы зашли в дом. Иван *обедал*. [нарративный режим; синхронность];

б. Иван был сыт. По всей видимости, он *обедал* [нарративный режим; ретроспекция].

Значение видовой формы в обоих режимах одно и то же, меняется только ориентир.

Теперь вернемся к наблюдателю. О наблюдателе говорят в тех случаях, когда вторичным эгоцентриком является нулевой знак. В литературе известен нулевой знак, восполняющий дефектность парадигмы (такова нулевая форма наст. времени глагола *быть*); нулевой знак, выполняющий анафорическую функцию, – например, при эллипсисе, ср. определение Якобсона: эллипсис – это нулевой анафорический знак. наблюдатель – это нулевой знак, обозначающий субъекта восприятия, а в расширительном смысле – СУБЪЕКТА ВТОРИЧНОЙ ЭГОЦЕНТРИЧНОСТИ в целом, т.е. субъекта не только восприятия, но и пропозициональных установок разного рода; субъекта неопределенности, модальности, оценки и под.). Так, *наверно* предполагает наблюдателя как субъекта неуверенности:

(2.5) а. Зина *наверно* придет [субъект неуверенности – говорящий];

б. Зина сказала, что *наверно* придет [субъект неуверенности – Зина].

Субъекта вторичной эгоцентричности, который не является наблюдателем в узком смысле, т.е. подразумеваемым субъектом наблюдения, называют еще СУБЪЕКТОМ СОЗНАНИЯ.

Наблюдатель – это лицо, которое во многих отношениях подобно Говорящему. Говорящий, субъект первичной эгоцентричности, идентифицирует объекты и участки пространства или времени через местоположение самого себя; отрезки времени – через отношение к своему настоящему моменту. Тем самым в семантику первичных дейктических элементов входит РЕЧЕВОЙ компонент: *вон там* значит ‘далеко от того места, где я это говорю’; *я* – значит ‘тот, кто это сейчас говорит’; *завтра* = на следующий день после того, в который я это говорю. А в семантику вторичных дейктических элементов входит ПЕРЦЕПТИВНЫЙ компонент: *вдалеке* значит ‘далеко от того места, из которого наблюдатель наблюдает’. Субъект сознания обоснован такими смысловыми компонентами, как незнание, неуверенность и под.

Наблюдатель, субъект вторичной эгоцентричности, отличается от говорящего еще и тем, что говорящий называет себя «Я», а наблюдатель назвать себя не может никак. Его присутствие в семантике слова может, однако, так или иначе проявляться – в частности, в запрете на употребление в том же предложении местоимения 1 лица.

Наблюдателя предполагает семантика глаголов, адвербиалов, грамматических категорий, имен. **Наблюдатель – это семантическая роль.** Семантика глагола может предполагать наблюдателя в такой же мере, в какой семантика другого глагола предполагает, например, Агенса: Наблюдатель – это Эксперимент в позиции За кадром (Падучева 2000). Роль Наблюдателя может выполнять:

- в речевом режиме – говорящий;
- в нарративном – персонаж или повествователь;
- в гипотаксическом контексте (т.е. в составе придаточного) – субъект подчиняющего предложения.

Итак, наблюдатель – это не представленный на поверхностном уровне участник ситуации, наличие которого (в семантике предложения и текста) а) вытекает из смысла слов, конструкций и грамматических категорий предложения; б) проявляется в каких-то аспектах его поверхностной структуры. В разделе 3.1 речь идет о том, как присутствие наблюдателя проявляется в запретах на употребление местоимения 1 лица. В разделе 3.2 описываются другие проявления наблюдателя.

3. Типология наблюдателей

Итак, различается два типа наблюдателей – в зависимости от смыслового компонента (в семантическом разложении языковой единицы), в составе которого он возникает: наблюдателем может быть субъект восприятия и субъект сознания.

В принципе, восприятие обязательно включает в себя акт сознания – первичную концептуализацию воспринимаемого. Однако восприятие необходимо отличить от других актов сознания, поскольку восприятие не только предполагает воспринимающее лицо, но и фиксирует МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ этого лица, отсюда связь субъекта восприятия с пространственным дейксисом. Между тем, ментальные акты не предполагают обязательной локализации ни самого акта сознания, ни его субъекта.

З а м е ч а н и е. Сложнее обстоит дело с субъектом пространственного и временного дейксиса. В типологии наблюдателей, предлагаемой в Fontanille 1989, предусматривается «не персонифицированный» наблюдатель, как «концептуальный центр» повествования, не воплощенный ни в каком лице. По-видимому, в семантике вида, с его противопоставлением синхронии и ретроспекции, в каких-то контекстах, следует допустить именно такого наблюдателя – не только не имеющего локализации, но и не воплощенного ни в каком конкретном лице. Что же касается семантики времени, то тут наблюдатель достаточно часто бывает персонифицированным, см. пример (4.8) ниже и примеры в Падучева 1996: 285-296.

3.1. Наблюдатель как субъект восприятия

3.1.1. Наблюдатель – Эксперимент за кадром: мена диатезы

Прототипический наблюдатель – это участник ситуации, который имеет семантическую роль Субъект восприятия (Эксперимент), но не имеет соответствующего ему синтаксического актанта: он входит в актантную структуру глагола, а в диатезе глагола имеет ранг За кадром. Такого наблюдателя мы видим в классическом примере из Апресян 1986 – в семантике глагола *показаться*:

(3.1) На дороге *показался* всадник.

Фраза (3.1) означает, что всадник вошел в чье-то поле зрения. Т.е. помимо двух явных участников, *всадник* и *дорога*, в ситуации, имеется третий, не выраженный, – Субъект восприятия; это Эксперимент за кадром, т.е. наблюдатель.

Чтобы обосновать присутствие наблюдателя в семантике слова, надо:

- а) предъявить толкование слова, в котором фигурирует наблюдатель;
- б) показать, что наличие наблюдателя в семантике слова проявляется в его языковом поведении.

Поскольку наблюдатель – это вторичный эгоцентрик, выбор конкретного лица, выполняющего в том или ином контексте роль Наблюдателя, зависит от режима. В речевом режиме роль Наблюдателя обычно исполняет говорящий. Отсюда аномалия в примере (3.2) с субъектом 1 лица – поскольку говорящий выполняет роль Наблюдателя, он не может одновременно быть объектом наблюдения (своего же, причем издали):

(3.2) *На дороге *показался* я.

Если же глагол *показаться* находится в контексте нарратива, как в (3.3), или в гипотаксическом контексте, как в (3.4), то аномалии не возникает:

(3.3) Но тут на дороге *показался* я, и разбойники в страхе разбежались. [нарратив]

(3.4) Считают, что именно в этот момент на дороге *показался* я. [гипотаксис]

Фраза (3.3) нормальна, поскольку в этом контексте Наблюдатель – разбойники (а тот я, который *показался* в поле зрения разбойников, не говорящий; ведь говорящий – это не просто субъект речи, а **субъект речи в момент речи**). Если глагол *показаться* находится в гипотаксической позиции, то в роли Наблюдателя, т.е. субъекта восприятия, семантически необходимого глаголу *показаться*, выступает не говорящий, а субъект подчиняющего предложения.

Итак, в речевом режиме прототипический наблюдатель проявляет себя в ограничении на заполнение той или иной валентности местоимением 1-го лица (поскольку 1-е лицо уже незримо присутствует в ситуации в качестве наблюдателя), см. пример (3.2).

Это значит, что наличие наблюдателя как фактора семантики предложения делает его чувствительным к режиму интерпретации. Так, аномалия в (3.2) возникает в речевом режиме; если режим нарративный или гипотаксический, т.е. роль Наблюдателя выполняет не говорящий, то же предложение оказывается нормальным, см. (3.3) и (3.4).

Наблюдатель в семантике *показаться* возникает как следствие мены диатезы. В самом деле, у глагола *показать*, от которого образован *показаться*, есть Эксперимент, который может быть выражен Дативом (*показал мне фотографию*); *показаться* сохраняет актантную структуру глагола *показать*, но имеет диатезу, в которой Эксперимент «ушел за кадр».

Такой же участник-Наблюдатель, как у *показаться*, есть у глаголов *выразиться*, *выделиться*, *выявиться*, *обозначиться*, *обнажиться*, *открыться*, *потеряться*, *послышаться*, *задеваться*, *запропасться*, *выискаться*. Так, у глагола *выразить* есть синтаксический актанта, обозначающий Эксперимента: *выразить* <что-то кому-то> – значит показать кому-то, чтобы тот воспринял. А у глагола *выразиться* нет этого актанта – он ушел в наблюдателя. Отсюда у *выразиться* ограничение на 1 лицо в составе субъектной группы. Поскольку говорящий по умолчанию выполняет роль Наблюдателя при *выразиться*, т.е. субъекта восприятия, он не может быть его объектом:

(3.5) ?На моем лице *выразилось* удивление.

Другой пример наблюдателя дает глагол *выглядеть*, у которого актантная структура та же, что у *глядеть*, но Эксперимент ушел за кадр – в наблюдателя. Отсюда у *выглядеть* в речевом режиме нетерпимость по отношению к подлежащему 1 лица. Запрет снимается при наличии «загородки» (*hedge*), см. (3.6а), в неречевом режиме, см. (3.6б), или в других специальных контекстах, см. (3.6в):

- (3.6) а. Кажется, я *выгляжу* отлично;
б. Он сказал, что я *выгляжу* отлично.
в. Я *выгляжу* отлично <зеркалу>.

Такое же соотношение между *слышать* и *послышаться* (*послышалось* без Датива значит ‘мне послышалось’); между *доносить* и *доноситься*. У глагола *доноситься* актанта, выражающий Эксперимента, в принципе, не исключен. Наличие Наблюдателя в диатезе *доноситься* проявляется в запрете на заполнение валентности Эксперимента неопределенным местоимением – доносится что бы то ни было обычно *до меня*; ср. явную аномалию в (3.7) (пример из Падучева 1996: 264):

(3.7) До кого-то в темноте *доносится* голос. (С.Беккет. Общение).

Глагол *доносить* (от которого *доноситься* – декаузатив) демонстрирует то же ограничение на заполнение валентностей; примеры (из Национального корпуса русского языка):

- (3.8) а. Я поспешил уехать потому, что ветер *донес до меня* далекий звук копыт. [Гайто Газданов. Призрак Александра Вольфа (1947)]
б. Горячий ветер *донес* шум множества голосов. [Голстой А. Н. Аэлита. (1939)].

В (3.8а) звук доносится до Эксперимента 1 лица; в (3.8б) – до Наблюдателя за кадром.

Глагол *раздаться* (*Раздался выстрел*), который не имеет исходной диатезы с Экспериментом, тоже предполагает наблюдателя, хотя и не допускает подобного «диатетического» анализа. О *послышаться* см. Успенский 1970/2000: 103.

3.1.2. Наблюдатель, не являющийся результатом мены диатезы

3.1.2.1. В Апресян 1986 наблюдатель усматривается в семантике глаголов типа *белеть*, *чернеть*:

(3.10) На горизонте *белел* парус.

В самом деле, в семантике глаголов типа *белеть* обнаруживается компонент ‘X видит Y’: словари (Ушаков-1935 и МАС) определяют *белеть* как ‘виднеться (о белых предметах)’. При этом субъект восприятия не может быть выражен при *белеть* подчиненным ему синтаксическим актантом. Но в отличие от *показаться*, наблюдатель в актантной структуре *белеть* не является результатом мены диатезы – он вытекает непосредственно из семантики слова.

Наблюдатель входит в семантическую структуру глаголов самых разных тематических классов. Помимо наблюдаемого «цветоиспускания» (как в случае *белеть*), есть наблюдаемое звучание (*звучать*, *звенеть* и другие глаголы звука), наблюдаемое движение (*развеваться*, *реять*, *мелькать*), наблюдаемая деятельность (*уплывать*), наблюдаемое расположение (*раскинуться*, *торчать*, *маячить*) и даже наблюдаемое восприятие (*озираться*, *уставиться*). Отдельный феномен – наблюдаемое отсутствие, см. раздел 3.1.2.3.

Все эти глаголы в контексте подлежащего 1 лица или с посессивом 1 лица дают в речевом режиме аномалию или требуют нестандартных правил интерпретации:

(3.11) а. Мелькалы *верстовые столбы*; б. ° Мелькал я⁴;

а. В саду *звенели* голоса; б. °В саду *звенел мой* голос.

(3.12) а. Иван *маячил* в проеме дверей; б. °Я *маячил* в проеме дверей.

Аналогичное проявление наблюдателя – в примере (3.13) со словом *гореть*. Если речь идет о признаке, наблюдаемом извне, как в (3.13б), обладатель признака не может быть субъектом наблюдения, а ощущение может быть внутренним:

(3.13) а. У меня щеки *горят*; б. ?У меня глаза *горят*.

В Булыгина 1982: 15, 29 по поводу *белеть*, *реять*, *развеваться*, *уплывать* шла речь об эффекте «соприсутствия говорящего». Теперь можно уточнить: соприсутствует не говорящий, а наблюдатель. В самом деле, этим словам вовсе не обязателен, для их уместного употребления, речевой контекст: в нарративе на роль наблюдателя найдется кто-нибудь из участников описываемой ситуации; на худой конец, остается повествователь.

3.1.2.2. Наблюдатель усматривается также в семантике наречий *вдалеке*, *вдали* (Апресян 1986). Если не насыщена валентность Исходной точки (*вдалеке* – от чего?), понимается ‘вдалеке от наблюдателя’. Как и в других случаях с наблюдателем, мы здесь имеем: 1) ограничение на заполнение валентности слова местоимением 1-го лица и 2) чувствительность к режиму интерпретации и к гипотаксическому контексту: нарративный и гипотаксический контекст отменяют запрет на 1 лицо – этот запрет действует только в речевом режиме. Так, (3.14а) демонстрирует ограничение на 1 лицо в речевом режиме, а (3.14б) – его отмену в гипотаксическом контексте:

(3.14) а. *Вдалеке стояли мы с Володей;

б. Он утверждает, что, якобы, *вдалеке* [от него] стояли мы с Володей.

Так что *вдалеке* может означать ‘вдалеке отсюда’, но не обязательно ‘от говорящего’, возможно – ‘от Наблюдателя’.

Можно было бы подумать, что наблюдатель при *вдалеке* не является субъектом восприятия, как в примере (3.1); что он только субъект пространственного дейксиса:

---

⁴ Корпус дает два примера сочетания «я + *мелькать*»: *Там, в одной из массовок, где-то и я мелькаю.* [В. Некрасов. (1977)]; *теперь мне все кажется, что со мной хотя и познакомятся потому, что я мелькаю в телевизоре.* [Е. Ханга. (2000)]. Подобное употребление глагола *звучать* (с подлежащим в 1 лице – *я звучал, я звучу*) описано в Падучева 2004: 419–424.

дейктический нуль, обозначающий участника Исходная точка. Однако в этом случае необъяснимо отличие *вдалеке* от *далеко*, которое тоже обозначает место на большом расстоянии, но, будучи употреблено без предложной группы, не дает тех эффектов в контексте 1 лица, которые выявляют наблюдателя:

(3.15) а. Я был *далеко* от дома; б. Я был *далеко*.

Не говоря о том, что *вдалеке* встречается обычно в контексте глаголов либо просто перцептивных (как *видеть*), либо имеющих перцептивный компонент, как *белеть*. Так, Корпус дает в контексте *вдалеке* почти исключительно глаголы, предполагающие наблюдателя:

(3.16) *Зеленеют* вдалеке финиковые рощи; Кто-то грустно и страстно *поет* вдалеке; *увидел* вдалеке, *исчез* вдалеке, *маячил* вдалеке, *хлопнула* вдалеке дверь, *бухала* вдалеке пушка, *засвистал* вдалеке скворец, *забрехали* вдалеке собаки, и т.д.

Пример (3.16) показывает, что присутствие наблюдателя вытекает не только из семантики самого *вдалеке*, но и из контекста связанного с ним глагола.

3.1.2.3. Прототипический наблюдатель (т.е. субъект восприятия, занимающий определенное место в пространстве ситуации) был обнаружен в конструкции с родительным субъекта в отрицательном предложении.

В Babby 1980 и Арутюнова 1976 считалось, что генитив при отрицании возникает в БЫТИЙНЫХ предложениях, у которых субъект нереперентный (как в *Сомнений не возникло*); так что генитив референтного субъекта при глаголе *быть* в ЛОКАТИВНОМ значении, как в (3.17), был исключением из семантических в общем правил выбора падежа, предлагавшихся в этих работах:

(3.17) *Коли* нет в Лондоне.

В Падучева 1992 было обращено внимание на то, что генитивный субъект бывает не только в бытийных предложениях, но и в предложениях с глаголами восприятия – таких, как *чувствоваться*, *ощущаться*, *наблюдаться*, *регистрироваться*, *фиксироваться*, *выискаться*, *прощупываться*, *нащупываться*, *найтись*, *появиться* (к ним примыкают краткие прилагательные типа *виден*, *слышен*). Эти глаголы могут давать генитивную конструкцию отрицания, хотя в своем исходном значении относятся не к экзистенциальным, а к перцептивным:

(3.18) а. *Наблюдается* спад интереса к беллетристике;
б. Не *наблюдается* спада интереса к беллетристике.

В семантике генитивного глагола *оказаться* (например: *Секретаря на месте не оказалось*) тоже есть перцептивный компонент и соответствующий ему наблюдатель. В предложениях восприятия генитивом может быть оформлен и референтный субъект:

(3.19) Нашей хозяйки *не наблюдается*; Маши *не видно*.

А тогда естественно предположить, что генитив в контексте локативного *быть*, как в (3.17), означает, что в “ситуации отсутствия” присутствует наблюдатель. В самом деле, предложение (3.17) понимается почти как ‘*Коли не видно в Лондоне*’: говорящий либо сам находится в Лондоне, либо знает от того, кто там находится. Получается, что два употребления генитивной конструкции вполне близки между собой: она выражает либо несуществование, либо отсутствие в поле зрения наблюдателя.

Наличие наблюдателя позволяет объяснить, почему генитивная конструкция накладывает ограничение на субъект 1 лица и обнаруживает чувствительность к режиму интерпретации. В чем странность предложения (3.20а) и почему она пропадает в (3.20б) и (3.20в)?

(3.20) а. °*Меня* нет дома;
б. Приходит Иван, а *меня* нет дома;
в. Ему сказали, что *меня* нет дома, но он не поверил.

Дело в том, что в речевом режиме главный исполнитель роли наблюдателя – говорящий, так что род. падеж в (3.20), несмотря на утверждение отсутствия говорящего в ситуации, имплицитно его присутствие; возникает противоречие. А в нарративе и в гипотаксическом контексте этого противоречия не возникает, поскольку нет совпадения наблюдаемого с наблюдателем.

3.2. Наблюдатель как субъект сознания

3.2.1. Участник ситуации, не выраженный на синтаксическом уровне, но вытекающий из семантики слова, может быть не субъектом восприятия, как в (3.1), а Субъектом сознания – например, лицом, которое получает некоторое знание, не обязательно через восприятие. Так, у глагола *обнаружить* есть три диатезы; в одной Субъект сознания выражен подлежащим, а во второй (она маркирована возвратной частицей) и в третьей (не маркирована) он за кадром; этого участника можно тоже считать наблюдателем в широком смысле, т.е. субъектом сознания:

- (3.21) а. Охотник *обнаружил* на опушке следы медведя;
б. На опушке *обнаружились* следы медведя;
в. Берлиоз *обнаружил* незаурядную эрудицию.

В самом деле, у *обнаружить* те же ограничения на 1 лицо в роли подлежащего и та же чувствительность к режиму; следовательно, подразумеваемый субъект сознания у *обнаружить* в (3.21) – вторичный эгоцентрик. Пример (3.22) показывает поведение глагола *обнаружить* в разных режимах:

- (3.22) а. Студент *обнаруживает* глубокие познания в философии;
б. *Я *обнаруживаю* глубокие познания в философии;
б. Они говорят, что я *обнаруживаю* глубокие познания в философии.

Предикаты ментального, эмоционального и волитивного состояния предполагают субъекта сознания, который иногда не выражен или даже не может быть выражен синтаксически. По умолчанию предполагают субъект 1 лица: слова с модальным значением (типа *можно, надо, нельзя*), со значением эмоционального состояния (типа *грустно, легко*), восприятия (*видно, заметно*), а также *больно, весело, возможно, видимо, заметно, интересно, жутко, горестно, досадно, приятно, хорошо, важно, безразлично, любопытно, тошно, неловко, забавно, интересно, жарко, душно, обидно, радостно, скучно, страшно, трудно, легко, ясно, похоже; плевать, лень, жаль, жалко, охота, неохота, хочется, придется, остается*⁵; например:

- (3.23) *Жалко* < что ты не пришел > = ‘мне жалко’.

Если в утвердительном предложении подразумеваемый субъект сознания – говорящий, то в вопросе это будет слушающий, *ты*:

Вкусно? = ‘<тебе> вкусно?’.

Если субъект сознания, в частности, субъект эмоции, выражен, то 1 лицо, обозначающее объект эмоции при том же предикате, не запрещено, см. (3.24а); но если субъект не выражен, то 1 лицо объекта сомнительно, см. (3.24в):

- (3.24) а. Вам *меня* жалко; б. Ей было *меня* жалко; в. ?*Меня* жалко.

Опущенный субъект сознания, в отличие от субъекта наблюдения, легко генерализуется, поэтому 1 лицо в (3.24) не вызывает столь ощутимой аномалии, как в (3.1).

3.2.2. Наблюдатель присутствует в актантной структуре глаголов поведения (а именно, интерпретации поведения) – таких как *нарушать, потворствовать, пренебрегать, ронять себя, ошибаться*. В их семантику входит вторичная номинация события, которая принадлежит Субъекту сознания, отличному от Агенса.

⁵ Впрочем, есть разница; так, *стыдно* чаще употребляется в значении ‘стыдно тебе’, а не ‘стыдно мне’; так, во фразе *Мне стыдно, что так получилось* нельзя опустить *мне*.

Присутствие наблюдателя в семантике глаголов поведения сказывается, в частности, в их ограниченной допустимости (в наст. времени речевого режима) в контексте 1-го лица – предложения в (3.25), (3.26а) по меньшей мере нестандартны:

(3.25) °Я самоуправствую, °Я на тебя клеветую, °Я им потокаю;

В (3.26б) допустимость 1 лица обусловлена контекстом снятой утвердительности:

(3.26) а. °Я ошибаюсь; б. Если я ошибаюсь, пусть меня поправят.

В то же время, в нарративе и в гипотаксической позиции 1 лицо вполне уместно:

(3.27) а. Считают, что я *кривляюсь* (И.Грекова. Дамский мастер)

б. Меня он тоже ругал, говорил мне, что я *корчу* из себя богатого англичанина [Д. Гранин. Зубр]

В Апресян 2004 в семантике глаголов поведения постулируется говорящий. Т.е. они причислены к первичным эгоцентрикам. Но первичные эгоцентрики, по определению, не могут употребляться, без изменения смысла, в нарративном режиме и в гипотаксической позиции. Между тем, глаголы поведения вполне подобны глаголу *показаться*: они имеют в речевом и в нарративном режиме один и тот же смысл, а меняют только ориентир. Так что в толковании этих глаголов должен фигурировать не говорящий, а наблюдатель; и не момент речи, а текущий момент текста: глаголы поведения – это вторичные эгоцентрики⁶. Вторичная эгоцентричность глаголов поведения доказывается стандартным приемом: лицом, которое интерпретирует поведение Агенса, не обязан быть говорящий, и это позволяет им свободно употребляться не только в речевом, но и в нарративном и гипотаксическом режиме.

4. Высказывания НЕ от 1 лица

Итак, мы рассмотрели аномалии, которые возникают при интерпретации предложения в речевом режиме (т.е. в высказываниях от 1 лица) и устраняются при нарративной или гипотаксической интерпретации. Теперь обратимся к высказываниям НЕ от 1 лица – к нарративным текстам. Предметом рассмотрения будут два типа нарратива: традиционный нарратив 3 лица (как в «Пиковой даме» Пушкина) и свободный косвенный дискурс (*free indirect discourse*), т.е. то, что в русской традиции называется «несобственная прямая речь»⁷.

4.1. Традиционный нарратив 3 лица

Традиционный нарратив предполагает два мира: персонажи находятся в одном, повествователь – в другом. Это экзегетический повествователь. (Если повествователь принадлежит к миру персонажей, т.е. является диегетическим, то это РАССКАЗЧИК; текст в этом случае будет перволичным нарративом.)

Для эгоцентрика в нарративе, в принципе, допустимы два типа интерпретации:

- интерпретация, ориентированная на персонаж (в диегетическом мире), ПЕРСОНАЛЬНАЯ;
- интерпретация, ориентированная на повествователя (с переходом в экзегетический мир) – НАРРАТИВНАЯ, или ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ.

⁶ Той же поправки требует толкование *хоть* в Новом объяснительном словаре синонимов. В самом деле, субъектом уступительности в речевом контексте является говорящий (*Передохни хоть немного!*), но в гипотаксическом им становится субъект матричного предложения (*Шофер вел машину тихо, чтобы бойцы хоть немного передохнули*), так что в толковании должен фигурировать не говорящий, а Наблюдатель.

⁷ Термины «свободный косвенный дискурс» (СКД) и «несобственная прямая речь» (НПР) имеют почти один и тот же смысл: СКД применяется, скорее, к тексту в целом, а НПР – к отдельному предложению, см. Tommila 2003. То, что в одном из них фигурирует эпитет *косвенный*, а в другом – *прямой*, объясняется тем, что тут совмещаются признаки прямой и косвенной речи. Есперсен называет несобственную прямую речь представленной речью или представленным сознанием (*represented consciousness*), см. Есперсен 1958: 338-349.

Используя оппозицию первичных и вторичных эгоцентриков, введенную в разделе 2 (первичные ориентированы на говорящего, вторичные – на наблюдателя, т.е. лишь в частности на говорящего), можно сформулировать для традиционного нарратива следующие правила.

1. Вторичный эгоцентрик, в принципе, может иметь две интерпретации – персональную и повествовательную.

2. Первичный эгоцентрик может иметь только повествовательную интерпретацию – ориентированную на внеположного миру текста повествователя.

Пример (4.1) демонстрирует двоякую интерпретацию вводного *конечно* – вторичного эгоцентрика, субъектом которого может быть повествователь, как в (4.1а), и персонаж, как в (4.1б):

(4.1) а. Нет! Мастер ошибался, когда говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь перевалилась через полночь, что она позабыла его. Она его, *конечно*, не забыла; [субъект уверенности – повествователь, который знает, как было дело]

б. Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, *конечно*, не разузнала ровно ничего. [пессимизм может принадлежать и Маргарите]

Чаще, все-таки, персонаж. Субъектом незнания тоже чаще бывает персонаж, чем повествователь, см. в Падучева 1997 о незнающем повествователе у Гоголя и Набокова.

Пример первичного эгоцентрика – **вводный оборот** с диалогическим значением: *в самом деле*. В соответствии с известным анализом В.В.Виноградова (Виноградов 1980), *в самом деле* в конце первой главки «Пиковой дамы» Пушкина имеет повествовательную интерпретацию и выдает присутствие повествователя, который как бы вступает в диалог с персонажем:

(4.2) *В самом деле, уж рассветало.*

Лицо персонажа – тоже первичный эгоцентрик: 3 лицо персонажа отражает точку зрения повествователя как заместителя говорящего.

Первичным эгоцентриком с повествовательной интерпретацией является **прош. время** глагола несов. вида: эта форма в нарративе означает одновременность; ясно, что это не персональная интерпретация, поскольку для персонажа время настоящее – что особенно хорошо видно, если персонаж выступает в некоторой сцене как субъект восприятия. Пример из повести М.Ю.Лермонтова «Вадим» (фрагмент приводится в Шмид 2005 с другой целью и интерпретацией):

(4.3) Но третья женщина приблизилась к святой иконе, – и – он *знал* эту женщину!..

Ее кровь – *была* его кровь, ее жизнь – *была* ему в тысячу раз дороже собственной жизни, но ее счастье – не *было* его счастьем; потому что она *любила* другого, прекрасного юношу; а он, безобразный, хромой, горбатый, не *умел* заслужить даже братской нежности; он, который *любил* ее одну в целом божьем мире, ее одну, – который за первое непритворное искреннее: люблю – с восторгом бросил бы к ее ногам всё, что имел, свое сокровище, свой кумир – свою ненависть!.. Теперь *было* поздно.

Он *знал*, твердо *был* уверен, что ее сердце отдано... и навеки... Итак, она для него погибла... и со всем тем, чем более *страдал*, тем меньше *мог* расстаться с своей любовью... потому что эта любовь *была* последняя божественная часть его души и, угасив ее, он не мог бы остаться человеком.

В отличие от времени, **вид** – вторичный эгоцентрик, и формы вида интерпретируются через персонажа: НСВ обозначает нечто синхронное наст. моменту персонажа, СВ – то, что совершилось до этого момента.

4.2. Свободный косвенный дискурс

Свободный косвенный дискурс⁸ – это текст, в котором первичные эгоцентрики

⁸ См. обзор литературы о свободном косвенном дискурсе в Tommola 2003.

могут иметь персональную интерпретацию. Единственный эгоцентрик, который имеет в СКД повествовательную интерпретацию, – это лицо персонажа: оно должно быть третье (в этом смысле повествователь должен принимать участие в интерпретации текста – несмотря на известную формулу А.Банфилд, что в СКД повествователь «сходит со сцены», см. Banfield 1982). В английском языке почти обязательно имеет повествовательную интерпретацию также грамматическое время; оно в СКД, как правило, прошедшее: его назначение – дистанцировать читателя от происходящего. Но у всех других первичных эгоцентриков – вводных слов с метаязыковым значением, косвенных речевых актов, вплоть до иронии, косвенных вопросов, сослагательного наклонения и императива и т.д. – подразумеваемым субъектом может быть персонаж:

(4.4) Когда он [Юра] лежал под кроватью, возмущаясь ходом вещей на свете, он среди прочего думал и об этом. *Кто такой Воскобойников, чтобы так далеко заводить свое вмешательство? Хороша также и мама.* (Пастернак. Доктор Живаго)

(4.5) *Ему бы только вывезти теперь своих глухарей на Селигер, у него там база, да денег, конечно, нет.* ["Столица", 1997.07.01]

Повествовательную интерпретацию имеет **лицо** – оно должно быть третье, как если бы это была косвенная речь:

(4.6) <...> и рассказал все по порядку. Вчера днем он приехал из-за границы в Москву, немедленно *явился* к Степе и *предложил* свои гастроли в варьете. Степа *позвонил* в московскую областную зрелищную комиссию и вопрос этот *согласовал* (Степа побледнел и заморгал глазами), *подписал* с профессором Воландом контракт на семь выступлений (Степа открыл рот), *условился*, что Воланд придет к нему для уточнения деталей в десять часов утра сегодня... Вот Воланд и пришел! (Булгаков. Мастер и Маргарита)

Это не значит, что 1 лицо в составе НПР вовсе невозможно; оно возможно, если не обозначает субъекта речи /мысли. Так, в примере (4.7) 1-е лицо обозначает адресата речи – который в прямой речи должен был бы быть обозначен 2-м лицом; "я" объясняется тем, что весь текст выдержан в режиме перволичного повествования:

(4.7) Он сказал: если *я* хочу достать яблочек, то лучше всего *мне* говорить со сторожихой, тетей Дашей. Вон-вон ее дом на отшибе! только не рано ли *я* еду? Апорт-то ведь еще не снимали. (Домбровский. "Хранитель древностей")

Итак, обязательным признаком НПР является то, что субъект речи-мысли выражен 3 лицом, т.е. имеет повествовательную интерпретацию. Все остальные первичные эгоцентрики могут иметь персональную. Например, **время**; пример из Ковтунова 1953:

(4.8) Беликов нервно засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице. *Ведь* это первый раз в жизни он *слышит* такие грубости. (Чехов. Человек в футляре)

Как справедливо пишет И.И.Ковтунова, наст. время *слышит* заставляет классифицировать этот текст как НПР. Персональная интерпретация *ведь* подтверждает этот анализ.

Особенно часто наст. время, сигнализирующее НПР, возникает в модальных контекстах:

(4.9) Антон Петрович прошел в гостиную. Он решил спать там. В спальне, конечно, *нельзя*. (Набоков. Подлец)

Открытием в теории нарратива можно считать обнаружение того факта, что персональную интерпретацию в НПР может иметь **утвердительная модальность**. Сам факт наличия субъекта (всегда подразумеваемого) у утвердительной модальности (т.е. индикатива) не был до сих пор предметом внимания. То, что субъект есть, скажем, у оптатива, не вызывает сомнений – естественно, что у желания имеется субъект⁹. Нельзя, однако, не признать, что и у утвердительной модальности тоже должен быть субъект: как

⁹ См. в Плунгян 2000: 317 о том, что грамматические показатели модальности описывают, в разных языках, либо точку зрения субъекта, либо говорящего.

известно, на утверждающем лежит ответственность за его утверждение – он несет так называемое эпистемическое обязательство. В традиционном нарративе субъектом эпистемического обязательства, которое входит в семантику индикатива, всегда является говорящий, так что индикатив – первичный эгоцентрик. Между тем в НПР индикатив может оказаться, как и другие первичные эгоцентрики, в распоряжении 3 лица. Рассмотрим пример (из Tammi 2003):

(4.10) He [Frank Churchill] stopped again, rose again, and seemed quite embarrassed. – He was more in love with her than Emma had supposed <...>. (Джейн Остин. Эмма)

Второе предложение этого текста передает впечатление Эммы – которое, как читатель скоро узнает, не соответствует действительности. Способ, которым автор пользуется для того, чтобы временно ввести читателя в заблуждение, состоит в использовании НПР: как оказывается, субъектом индикатива в данном контексте является не повествователь, который несет ответственность за свои утверждения, а персонаж, который имеет право ошибаться.

В примере (4.11) (из Ковтунова 1953, с иной интерпретацией) тот факт, что текст описывает точку зрения персонажа, а не «объективную реальность», выявляется – на лингвистическом уровне – в последней фразе: предикат ментального состояния *ясно* имеет, по общему правилу о вторичных эгоцентриках (см. раздел 3.2.1), подразумеваемым субъектом персонажа. А тогда все, что читатель поначалу принимал за реальность, является не более чем содержанием сознания того же персонажа. Иными словами, в (4.11), как и в (4.10), эффект расхождения сказанного с действительностью основан на том, что субъектом индикатива оказывается персонаж:

(4.11) Никогда еще не проходило дня в ссоре. Нынче это было в первый раз. И это была не ссора. Это было очевидное признание в совершенном охлаждении. Разве можно было так взглянуть на нее, как он взглянул, когда входил в комнату за аттестатом? Посмотреть на нее, видеть, что сердце ее разрывается от отчаянья, и пройти с этим равнодушно-спокойным лицом? Он не то что охладел к ней, но он ненавидел ее, потому что любил другую женщину – это было *ясно*. (Толстой. Анна Каренина)

Утвердительная модальность – это еще один первичный эгоцентрик, который в НПР может поступать в распоряжение персонажа 3 лица, т.е. иметь персональную, а не повествовательную интерпретацию в СКД.

5. Заключение

Итак, мы рассмотрели два вида высказываний: высказывания от 1 лица, т.е. такие, которые могут быть сделаны в речевом дискурсе – в канонической коммуникативной ситуации, где есть говорящий и слушающий, и, условно говоря, высказывания НЕ от 1 лица, т.е. предложения, которые входят в нарративный текст, который не предполагает полноценного говорящего. В обоих случаях важную роль играет оппозиция говорящий – наблюдатель.

Наблюдатель – это роль, возникающая в актантажной структуре языковой единицы как следствие наличия у нее определенного смыслового компонента. Иными словами, наблюдатель – это семантический актант. По своим функциям наблюдатель во многом подобен говорящему, но отличается тем, что безразличен к режиму интерпретации: вторичные эгоцентрики, т.е. слова и категории, предполагающие Наблюдателя, интерпретируются одинаково в речевом режиме и в нарративном.

С формальной точки зрения наблюдатель – это нулевой знак дейктической природы; он отсылает: в речевом режиме к говорящему, а в нарративном – к какому-то другому лицу, так или иначе присутствующему в пространстве текста или его окрестностях. Поскольку наблюдатель – это нулевой знак, о присутствии наблюдателя в семантическом представлении предложения можно судить лишь по косвенным проявлениям.

Понятие наблюдателя позволяет дать объяснение аномалиям, возникающим в речевом режиме и пропадающим в нарративном. Оппозиция говорящий – наблюдатель позволяет разграничить первичную и вторичную эгоцентричность и дать четкое определение традиционному нарративу в его отличии и от речевого дискурса, и от несобственной прямой речи.

В статье Tammi 2003 поставлен вопрос: можно ли лингвистическими средствами идентифицировать СКД; иными словами, можно ли охарактеризовать это явление, пользуясь лишь чисто лингвистическими категориями?

Такая возможность предусматривалась в работе Banfield 1982, которая выдержана в традициях порождающей грамматики. Банфилд приводит примеры «unspeakable sentences»; в частности, такие, где несобственная прямая речь однозначно распознается потому, что возникает грамматическая аномалия. Так, в (5.1) грамматическое время относит ситуацию к прошлому, а наречие времени – к настоящему:

(5.1) *Where were her paints now?* ‘Где же были сейчас ее краски?’

Однако НПР не всегда можно распознать по формальным признакам. Скажем, предложение (4.10) не нарушает каких бы то ни было правил грамматики. Да и (3.1) неправильно только в рамках речевого режима.

Еще пару десятков лет назад казалось, что проблему СКД можно решить на базе такого рода аномалий. Сейчас очевидно, что это не так. Пекка Тамми (Tammi 2003) отвечает на свой вопрос отрицательно и предлагает следующую серию примеров (привожу в переводе с англ. языка на русский):

- (i) Я счастлив быть *сегодня* последним докладчиком конференции;
- (ii) Он сказал, что был счастлив быть *в тот день* последним докладчиком конференции;
- (iii) Он был счастлив в роли последнего докладчика конференции *сегодня*.

В примере (iii) дейктическое *сегодня* однозначно идентифицирует фразу как НПР, но если убрать *сегодня*, то нарративный статус предложения перестает быть однозначным – предложение (iv) вполне правильно и в речевом режиме, и в нарративе 3 лица:

(iv) Он был счастлив в роли последнего докладчика конференции.

При этом смысл предложения меняется: в (iii) мнение однозначно мое, а в (iv) оно может принадлежать другому человеку, который вправе ошибаться. Что, казалось бы, подтверждает тезис о невозможности определения СКД.

В ряде работ по поэтике предлагалось определение СКД в духе Бахтина, который считал, что в основе СКД лежат «диалогические отношения между дискурсами». Я считаю, что можно обойтись без такой сложной сущности, как диалог между текстами: в норме диалог имеет место между людьми. Определение СКД в его отличии от речевого режима и от нарратива 3 лица может быть сформулировано вполне точно, но не на уровне формальной структуры текста, а на уровне интерпретации. Я предлагаю следующие определения речевого дискурса, традиционного нарратива и СКД, сформулированные на базе понятий эгоцентрик и режим интерпретации, а также деления эгоцентриков на первичные и вторичные.

В РЕЧЕВОМ ДИСКУРСЕ первичные эгоцентрики интерпретируются только через говорящего; вторичные же допускают обе интерпретации.

В ТРАДИЦИОННОМ НАРРАТИВЕ первичные эгоцентрики изгоняются из тех частей, которые входят в собственно нарратив, т.е. в диегетическое пространство текста; в собственно нарративе допустимы только вторичные эгоцентрики; появление первичных выдает вмешательство повествователя, т.е. выход за пределы собственно нарратива.

Наконец, СВОБОДНЫЙ КОСВЕННЫЙ ДИСКУРС – это текст, в котором персонаж

упоминается как 3 лицо (т.е. с точки зрения повествователя), а первичные эгоцентрики находятся в распоряжении этого субъекта 3 лица, как если бы этот субъект был говорящим. Иначе говоря, СКД – это текст, в котором первичные эгоцентрики могут иметь персональную интерпретацию.

Так, пример (5.1) аномален только при интерпретации в речевом режиме – в контексте СКД прош. время глагола может быть понято как наст. персонажа, и противоречие снимается. Вопрос при этом понимается как обращенный «третьеличным говорящим» скорее к самому себе, чем к другому лицу. И местоимение *ее* отсылает скорее к «третьеличному говорящему», чем к кому-то постороннему.

В Tammi 2003 (как и в Шмид 2003) вся терминология ориентирована на ту или иную атрибуцию **текста в целом**: дискурс идентифицируется как принадлежащий повествователю (narrator's) или персонажу (character's). Между тем, в одном тексте разные эгоцентрики могут иметь разную интерпретацию (одни персональную, другие – повествовательную), и лингвистическую значимость имеет интерпретация каждого эгоцентрического элемента в отдельности.

Итак, можно думать, что определения повествовательных форм в рамках лингвистических категорий все-таки возможно. Для общей теории языка наличие объекта такой структуры как несобственная прямая речь имеет принципиальное значение: оказывается, что несобственная прямая речь – это такой текст, специфика которого не может быть раскрыта на уровне формы, а выявляется только на уровне интерпретации.^{**}

Литература

- Апресян 1974 – *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1980 – *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». Wien, 1980.
- Апресян 1986 – *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Булыгина 1982 – *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85
- Виноградов 1980 – *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
- Есперсен 1958 – *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. Англ. ориг.: *Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1924.*
- Зализняк, Падучева 1982 – *Падучева Е.В.*, Зализняк Анна А. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица. – В кн.: *Finitis duodecim lustris. Сб. статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана.* Таллин: Ээсти раамат, 1982.
- Ковтунова 1953 – *Ковтунова И.И.* Несобственно-прямая речь в русском литературном языке // Русский язык в школе, 1953, No. 2, 18–27.
- Лотман 1968 – Проблемы художественного пространства в прозе Гоголя // Труды по русской и славянской филологии, XI, Тарту 1968 (Уч. записки ТГУ, вып. 209)
- МАС-1981 – Словарь русского языка. В 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1981. (= «Малый» академический словарь).
- Падучева 1985 – *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры. 1996. Глава II.6. Коммуникативный статус вводных предложений.

^{**} Автор выражает благодарность Марине Витальевне Филипенко за замечания и поправки.

- Падучева 1997 – *Падучева Е.В.* Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) - Известия РАН, 1997 N 2, 20-27.
- Падучева 2006 – *Падучева Е.В.* Наблюдатель: типология и возможные трактовки. Труды международной конференции Диалог 2006, 403-413.
- Плунгян 2000 – *Плунгян В. А.* Общая морфология. М.: УРСС, 2000.
- Успенский 1970/2000 – *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970; изд. 2-е Санкт-Петербург: Азбука, 2000.
- Ушаков-1935 – Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д.Н.Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935.
- Шмид 2003 – *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Banfield 1982 – *Banfield A.* Unspeakable sentences: narration and representation in the language of fiction. Boston etc.: Routledge & Kegan Paul, 1982. Introduction & Ch.1.
- Fillmore 1968 – *Fillmore Ch.J.* Lexical entries for verbs. // Foundations of language, 1968, v.4, N 4.
- Fontanille 1989 – *Fontanille J.* Les espaces subjectifs. Introduction à la sémiotique de l'observateur (discours – peinture – cinema). Paris: Hachette, 1989.
- Grishakova 2002 – *Grishakova M.* Towards the semiotics of the observer. // Sign systems studies, v.30.2, 2002.
- Jakobson 1957 – *Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1957.
- Lyons 1977 – *Lyons J.* Semantics. Vol. 1–2. L. etc.: Cambridge Univ. Press, 1977.
- Tammi 2003 – *Tammi P.* Risky business: probing the borderlines of FID. Nabokov's *An affair of honor (Podlec)* as a test case. // Linguistic and literary aspects of free indirect discourse from a typological perspective. Tampere, Tamperen yliopisto taideaineiden laitos, 2003, 41-54.
- Tommola 2003 – *Tommola, H.* Aspects of free indirect discourse and the limits of linguistic analysis. // Tammi P. Tommola H. (eds.) Linguistic and literary aspects of free indirect discourse from a typological perspective. Tampere, Tamperen yliopisto taideaineiden laitos, 2003, 41-54.